

Н. СТРАХОВ

Бедность нашей литературы

(отрывок)

<...> в одно и то же время явились Пушкин и Чаадаев¹.

Явился наконец поэт, который завершил все предыдущее трудное и странное развитие, который вышел из неопределенного и призрачного восторга, нашедший в своей душе ясный и существенный восторг, который вышел из обманчивого взгляда на нашу жизнь, нашедший истинно русскую поэзию и умея видеть поэтическими глазами настоящую русскую действительность. Этот человек, столь сильно любивший истину и отвращавшийся от всякой фальши, столь зорко видевший вещи и в то же время всегда и до конца остававшийся поэтом, — был Пушкин. Его воспитание и развитие, совершившиеся в период обмана под влиянием всяческих европейских образцов — от Вольтера до Байрона, способствовали только развитию в нем его поэтического дара, его зоркости и любви к правде, а истинно русская зоркость и правдивость сделали из него несравненного поэта, равного всему, что есть великого в поэтическом мире. Он принес нам чистейшую правду в поэзии, т. е. настоящую поэзию.

Но в то же время получился другой выход, другое решение. Умы более холодные, более теоретические шли своим, по-видимому, весьма правильным путем, и в то самое время, когда Пушкин узаконивал поэзию на русской земле, эти умы пришли к полному отрицанию русской жизни. И, несмотря на то что уже существовала обманчивая история Карамзина, не усомнились вычеркнуть жизнь русского народа из истории всемирного развития. Представителем таких умов был Чаадаев, приятель Пушкина, хотя человек более зрелых лет. В сравнении с Европой Чаадаев признал ничтожною всю русскую жизнь, все задатки и плоды нашего развития, и нашел, что для нас един-

ственное спасение — перевоспитать себя, принять все от Европы, до глубочайших основ духовной жизни. Это был первый последовательный западник². <...>

Чаадаев был то же в отношении к Пушкину, что Радищев в отношении к Державину. Как Радищев отнесся с величайшим отрицанием и унынием к действительности, вызвавшей столь громкий восторг Державина, так Чаадаев отнесся с сомнением и неверием к той духовной жизни, которая уже породила поэзию Пушкина. Эти люди, как легко убедиться, не были *великими русскими писателями*, а потому, по замечанию критика, об них нельзя с несомненностью сказать, что они были *вполне русские люди*, какими были Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин. Но это нисколько не мешает признавать за ними общечеловеческие достоинства и даже видеть в них людей *настолько русских*, что они, с большей или меньшей болью и горечью, чувствовали свое положение перед Европою как русских и старались понять его правильно, насколько бывает правильно отвлеченное понимание.

Радищев, впрочем, был явление слишком слабое и неглубокое; он не был зрелым плодом своего времени и исчез без влияния и последствий. Но ко времени Чаадаева та же мысль развилась и окрепла и Чаадаев был уже отголоском значительной и лучшей части нашего общества. С этого времени у нас постепенно развивались две партии — западническая и славянофильская: одна, требовавшая всецелого подчинения Европе, другая — стоявшая за нашу духовную самостоятельность.

